

Г. А. Меликишвили

К ВОПРОСУ О ЦАРСКИХ ХОЗЯЙСТВАХ И РАБАХ-ПЛЕННИКАХ В УРАРТУ*

Новые ценные наблюдения и соображения по социально-экономической истории Урарту, высказанные в статьях И. М. Дьяконова и В. С. Сорокина, заставляют автора настоящей статьи вновь вернуться к обсуждению отдельных вопросов, поставленных в статье «Некоторые вопросы социально-экономической истории Наири-Урарту» (ВДИ, 1951, № 4). В этой работе было выдвинуто положение о существовании в Урарту царских, государственных хозяйств, чаще всего располагавшихся в окрестностях укрепленных военно-административных центров Урартского государства; в хозяйствах этих использовался, как нам кажется, труд рабов-военнопленных.

В. С. Сорокин, не рассматривая данный вопрос в целом, склонен на основании археологического материала, добытого во время раскопок древней урартской крепости Тейшебаини (нынешний Кармир-блур близ Еревана), утверждать, что «по крайней мере на периферии Урартского государства, в Закавказье, крепости не были центрами царских или государственных хозяйств, основанных на рабском труде. Население таких периферийных городов-крепостей состояло главным образом из воинов». В частности, В. С. Сорокин склонен это утверждать по отношению к урартской крепости Тейшебаини (Кармир-блур).

Как уже указывалось в статье «Некоторые вопросы социально-экономической истории Наири-Урарту», на территории Урартского царства, и в центре, и на периферии его, известно большое число крепостей, окруженных садами, виноградниками, посевами; в ряде случаев в ассирийских и урартских источниках прямо сообщается, что эти хозяйства были созданы самими урартскими царями, и поэтому, естественно думать, составляли государственную собственность, являлись царскими, государственными хозяйствами. Как уже говорилось, типичная в этом отношении картина рисуется и для Кармир-блур: в Звартноцской надписи, в которой речь идет о деятельности царя Руса II в районе Тейшебаини, говорится, что здесь, где до этого времени не было обработанной земли, Руса «по приказу бога Халди» разбил виноградник, повелел наладить обработку полей, разводить сады и начать строительство города. В надписи говорится также о проведении канала из реки Илдаруниа и т. п. Обходя молчанием указание источников, что цари создавали хозяйства вокруг своих крепостей, в том числе и Кармир-блур, В. С. Сорокин, естественно, не ставит и во-

* В порядке обсуждения вопросов истории производителей материальных благ в древности. См. по этому же вопросу статьи Г. А. Меликишвили (ВДИ, 1951, № 4), И. М. Дьяконова (ВДИ, 1952, № 1) и В. С. Сорокина (ВДИ, 1952, № 2).

проса о том, для кого создавались эти хозяйства и кому они должны были принадлежать. В отношении Кармир-блур, в частности, обращает на себя внимание тот факт, что долину, которая орошалась проведенным здесь каналом, где были устроены или должны были быть устроены все эти сады, виноградники, пашни и т. д., надпись называет «долиной (царя) Руса», т. е. «долиной, принадлежащей (царю) Руса (¹ gusa-ini ħubi)». В этом факте автор настоящей статьи склонен видеть особые права царя на эту территорию, принадлежность данной территории лично царю. В. С. Сорокин считает, что эти и тому подобные выражения не следует понимать «слишком уж буквально». Нашему пониманию он противопоставляет то известное и бесспорное положение, что на древнем Востоке, в том числе, вероятно, и в Урарту, царь считался собственником всей земли в государстве и, таким образом, мог назвать любую территорию «Русаевской», «принадлежащей (царю) Руса». Однако это возражение следует отвести, так как из ряда надписей видно, что подобные названия являются вполне конкретными названиями определенных территорий. Так, например, в надписи царя Менуа из Ада (близ Малазгирта) сказано, что Менуа провел канал и «довел его до долины (царя) Менуа (т. е. до „долины, принадлежащей (царю) Менуа“) до города Улиш [] ини (и) до города []»¹. Таким образом, название «долина (царя) Менуа» является названием определенной территории, в противопоставлении к которой другие близлежащие территории имеют свои собственные названия; таким образом, дело вовсе не в том, что царь считал себя высшим собственником всей земли и поэтому мог употребить выражение «долина (царя) такого-то» по отношению к любой территории, но в том, что имя царя было связано с этой территорией органически чем-то особенным, специфическим, тем, чем эта территория отличалась от других территорий царства, тем, благодаря чему эта территория имела право называться именем царя. Но что же это особенное, специфическое, что связывало имя царя с данной местностью? Звартноцская надпись, повествующая именно о районе Кармир-блур, позволяет ответить и на этот вопрос: это особенное заключалось в том, что на территории, ранее пустовавшей, все, и в первую очередь обширное хозяйство (посевы, сады, виноградники...), было заново создано царем и, естественно думать, составляло его личную собственность.

Как было отмечено, В. С. Сорокин считает, что во всяком случае Кармир-блур и подобные ему периферийные крепости никак нельзя считать центрами царских хозяйств, основанных на рабском труде. Это свое положение В. С. Сорокин обосновывает тем, что город, расположенный вокруг кармир-блурской крепости, был, по его мнению, заселен в основном воинами-урартийцами и что нет никаких следов пребывания в городе тех, кто работал в устроенном здесь урартскими царями хозяйстве. В том, что в кармир-блурском «городе» жили, между прочим, люди, связанные с урартской администрацией — воины, чиновники и т. д., в этом никто не сомневается. Меньше всего можно спорить с положением, что в «городе» жили урартские воины и т. п., хотя соображения, приводимые В. С. Сорокиным в пользу того, что в раскопанных помещениях города жили обязательно только одни воины, далеко не бесспорны. Известно, что раскопки жилых кварталов пока не дали еще какого-нибудь специфического инвентаря, указывающего, что в раскопанных помещениях жили именно воины; в то же время имеется, например, материал, указывающий на наличие ремесла в городе: например, здесь найдены «створа литейной формы для крупного топора-секиры, ... каменная форма для отливки дисковидного ажурного

¹ ku-ṭu-ni pa-ri ¹me-nu-a-i-ni-e ħu-bi-i pa-ri^{URU}ú-li-iš-[1]-i-ni pa-ri-e^{URU}[1]-a-[1—2]-e(?)-[]-ni (CICH, 49, стк. 5—7).

украшения,... и глиняный гончарный круг...»¹. Проф. Б. Б. Пиотровский на основании того же самого археологического материала вовсе не склонен ограничить население города одними лишь воинами; он считает, что в кармир-блурском городе жили люди, связанные с этим крупным административным центром — чиновники, люди, близкие к урартской администрации, «урартские воины со своими семьями, многочисленные ремесленники», «а также земледельцы, работавшие на землях, принадлежащих урартскому государству» (ук. соч., стр. 20).

Но если даже признать, что в раскопанных жилищах «города» жили воины или вообще люди, близкие к урартской администрации, дает ли это право на данном этапе раскопок распространять это положение на население всего города и утверждать, что все население города должно было быть таким же? В. С. Сорокин отвечает на этот вопрос положительно на том основании, что «на широкой площади еще не раскопанных участков города» были найдены такие же идолы или их фрагменты, какой был найден и в одном из раскопанных жилищ города: это, по мнению автора, указывает на этническую однородность населения всего города. Однако этот аргумент не выдерживает критики. Известно, что на холме Кармир-блур находилась крепость-дворец урартского наместника, вокруг же него был «город», занимавший площадь приблизительно в 40 га. Из этой огромной территории раскопана пока весьма незначительная часть, примыкающая к цитадели, где и обнаружены все вышеназванные идолы; всего зафиксировано восемь находок таких идолов и их фрагментов: первый найден «на территории, прилегающей к цитадели на Кармир-блуре, метрах в 70 к юго-западу от ее стены»; фрагменты второго идола «найжены в отвале раскопа, и сейчас не представляется возможным указать, из какого жилища он происходил», два обломка найдены «недалеко от стен цитадели», пятый, шестой и седьмой идолы найдены на территории самой цитадели и, наконец, восьмой — в «одном из раскопанных жилищ» города². Таким образом, всё это находки на сравнительно ограниченной территории, непосредственно примыкающей к цитадели. Судить по этой территории о населении всей огромной местности в 40 га не представляется основательным. Кроме того, и сама принадлежность этих идолов урартийцам не является бесспорной. Как отмечает сам В. С. Сорокин, эти самые идолы «не находят аналогии ни в одном из известных нам изображений урартских божеств». В свете вышеизложенного, кажется, более правильным было бы воздержаться пока высказывать суждение по вопросу об этническом составе населения кармир-блурского города; такого более осторожного суждения придерживался ранее и сам В. С. Сорокин, который в цитированной выше работе, посвященной этим самим идолам, писал: «Кто именно населял город, сказать в настоящее время нельзя... Населяли ли город собственно урарты или это были представители одного из народов, покоренных ими, доказать пока прямым образом нельзя... на настоящей ступени изучения города Тейшебаини с точностью определить, каков был этнический состав его населения, невозможно».

Можно добавить также, что вообще нахождение одинаковых идолов в разных местах поселения еще недостаточно для утверждения, что по своему социальному положению население города было однородным. Этнический состав населения империи урартских царей представляется в основном однородным — население империи состояло из близко стоящих друг к другу по языку и культуре племен хурри-урартского происхождения, и массы рабов-пленных в Урарту, несомненно, нередко со-

¹ Б. Б. Пиотровский, Кармир-блур, I, 1950, стр. 18.

² В. С. Сорокин, Древние идолы города Тейшебаини, ИАН Арм. ССР, ОН, 1951, № 5, стр. 71 сл.

стояли из людей, по своему языку и культуре близко стоящих к населению господствующей части Урартской империи — Бианили.

Нельзя не отметить также, что материал эпохи агонии Урартского государства, эпохи разгрома урартских центров Закавказья, которым пользуется В. С. Сорокин, возможно, даст не совсем обычную картину социального состава населения кармир-блурского города, так как в эту эпоху не исключена возможность определенного изменения состава населения этого города — усиление в нем урартского военно-служилого элемента людьми, бежавшими из других, ранее попавших в руки врага урартских центров и т. п.

Утверждая, что урартские крепости Закавказья, в частности Кармир-блур, не могли быть центрами государственных хозяйств, а являлись лишь военно-административными центрами, В. С. Сорокин, как нам кажется, исходит из не совсем правильного представления о положении урартийцев в этих местах, подчеркивая «тревожную жизнь пограничной крепости» и т. п. Значительная часть Араратской долины уже в эпоху Аргишти I (первая половина VIII в. до н. э.) превращается в провинцию урартских царей, здесь воздвигаются дворцы, крепости и разные другие сооружения, цари проводят каналы, устраивают сады и виноградники и т. д. По всему видно, что в этом районе урартийцы обосновались издавна и сравнительно прочно. Интересно, что в «Хорхорской летописи» Аргишти I говорит о проведении канала для страны Аза — «вражеской страны», им же недавно завоеванной, на территории которой этот царь основал знаменитый Аргиштихинили¹. На основании анализа ономастического материала видно, что население Араратской долины в урартскую эпоху было этнически близко урартийцам; эта долина была, повидимому, заселена в основном племенами урартского же происхождения². В связи с этим отмечалось, что «такое быстрое освоение этих земель (Араратской долины), превращение их в органическую составную часть империи в немалой степени было обусловлено тем обстоятельством, что урартийцам здесь приходилось иметь дело с населением, стоявшим в этническом отношении близко к населению центральных областей Урарту»³.

Утверждая отсутствие царских хозяйств по крайней мере на периферии Урартского государства, В. С. Сорокин забывает пример города Улху, который находился именно на периферии государства (в районе совр. Маранда, северо-восточнее Урмийского озера); существование вокруг этого города царского, не только садового, но и полевого хозяйства, трудно отрицать⁴.

Таким образом, даже и тот несомненный факт, что в кармир-блурском «городе» жили воины и представители урартской администрации, никак не может быть аргументом против существования вокруг урартских крепостей, в том числе и на периферии, в частности вокруг Кармир-блур, государственных хозяйств, основанных на рабском труде. Другое дело вопрос об удельном весе таких хозяйств. Имеющийся в настоящее время ограниченный материал источников сильно затрудняет решение этого вопроса.

И. М. Дьяконов, рассматривая его в широком плане, на основании ряда соображений полагает, что удельный вес царских хозяйств в Урарту, повидимому, не был большим, хотя вовсе не отрицает самого существования

¹ Г. А. М е л и к ш в и л и, Урартоведческие заметки, ВДИ, 1951, № 3, стр. 174—176.

² Г. А. М е л и к ш в и л и, Дзаухи, ВДИ, 1950, № 4, стр. 30—34.

³ Там же, стр. 39.

⁴ См. И. М. Д љ я к о н о в, К вопросу о судьбе пленных в Ассирии и Урарту, ВДИ, 1952, № 1, стр. 99.

их и факта использования в них рабского труда; говоря о покоренных жителях завоеванных стран, о судьбе пленных в Урарту, он приходит к заключению, что «часть из них, конечно, использовалась в качестве рабов в царском ремесленном и садовом хозяйстве, а также в сравнительно не столь больших царских полевых хозяйствах» (ук. соч., стр. 99); наряду с этим И. М. Дьяконов предполагает использование рабского труда также в храмовых хозяйствах, существование рабов, принадлежащих частным лицам, и государственных рабов, самостоятельно хозяйствующих. Однако положение И. М. Дьяконова, что, наряду со всем этим, в Урарту «довольно значительная часть захваченных на войне людей должна была включаться в войско и размещаться в качестве гарнизонов в различных заново воздвигнутых и возобновленных урартскими царями крепостях» (ук. соч., стр. 100), вызывает ряд возражений.

И. М. Дьяконов, широко привлекая параллели из соседней Ассирии, полагает, что «положение в Урарту было во многом сходно с положением в соседней и близкой по культуре Ассирии» (там же, стр. 92). В частности, и по данному вопросу им приводится материал, свидетельствующий о включении ассирийскими царями в свое постоянное войско пленных. В самом деле, в ассирийских источниках имеются довольно ясные указания на существование этого явления. Говоря о непосредственном включении захваченных на войне пленных в постоянное войско ассирийских царей, мы, конечно, не имеем здесь в виду то засвидетельствованное в Ассирии явление, когда переселенцы из завоеванных стран, посаженные на землю с семьями, самостоятельно хозяйствующие на государственных землях и платящие налоги, несли и воинскую повинность. Кроме того, отдельные чужеземцы или целые формирования их могли оказаться в ассирийском войске многими другими путями (свободный наем, обязательство покоренных стран выставить определенные войсковые формирования и т. д.). Что же касается непосредственного включения захваченных на войне пленных в постоянное войско ассирийских царей, то хотя и на этот счет имеется ряд определенных известий¹, но все же такие факты упоминаются в источниках сравнительно редко и при этом, если указывается число воинов, то это всегда сравнительно незначительные цифры. Исключение составляет сообщение Синахериба, которое, согласно толкованию И. М. Дьяконова, говорит о формировании 30 тысяч лучников и щитоносцев в царские полки, т. е. о включении их в постоянное войско². Но такое понимание данного текста не является бесспорным — буквально в надписи речь идет о собирании (akšur) «30000 луков, ... и щитов» из добычи (šallatu), захваченной в завоеванных странах и о прибавлении всего этого к царскому войску, т. е., повидимому, к вооружению царского войска. В дальнейшем текст сильно разрушен, но фигурирует «распределение» «областенамачникам» и другим лицам, повидимому, остальной части «тяжелой» добычи (также относящейся к вооружению?). Это место надписи Синахериба до сих пор именно так и понималось большинством исследователей³.

Тем не менее самый факт включения пленных в постоянное войско и вообще привлечение чужеземного элемента в широком масштабе в ассирийское войско в позднюю эпоху, в эпоху Саргонидов, не вызывает сомнений. Однако весьма характерно, что, как отмечает и И. М. Дьяконов, это явление неизвестно для более раннего периода (до Тиглатпаласара III: 745—727), «когда значительная часть пленных предавалась казни, осталь-

¹ Кроме данных, указанных И. М. Дьяконовым, см. еще, например, у Саргона II — ARAВ, II, 183.

² И. М. Дьяконов, ук. соч., стр. 93; см. также И. М. Дьяконов, Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту, ВДИ, 1951, № 3, стр. 213.

³ См., например, ARAВ, II, 292.

ные же обращались в рабов обычного типа»¹. Это, конечно, не случайно: включение пленных в состав войска начинает практиковаться только тогда, когда Ассирия становится «мировой державой», завоевавшей десятки стран и распространившей свое господство на огромные просторы Азии и Африки, — ясно, что в это время вопрос о резком увеличении вооруженных сил становится острейшим вопросом для ассирийских царей, привлечение иноземного элемента (всякими путями) в ассирийское войско делается жизненной необходимостью.

Ничего подобного нельзя сказать относительно Урарту даже в эпоху наивысшего могущества этого государства. Урарту никогда не достигало такого могущества, такого распространения своей власти и, конечно, не чувствовало такой нужды в привлечении иноземного элемента в свое войско. Хотя и в Урарту в последний период его существования наблюдается увеличение в войске иноземного (скифского, киммерийского) элемента, но это скорее связано с обострением политической обстановки внутри самого Урартского государства². На основании этих соображений нам кажется мало вероятным, что в эпоху Аргишти I (I половина VIII в. до н. э.) в Урарту существовала необходимость включения крупных масс пленных в постоянное царское войско и в определении их сразу для несения гарнизонной службы во вновь завоеванных областях.

Свое положение, что «довольно значительная часть захваченных на войне людей (в Урарту) должна была включиться в войско и размещаться в качестве гарнизонов в различных заново воздвигнутых и возобновленных урартскими царями крепостях», И. М. Дьяконов аргументирует далее сообщением Аргишти I о поселении в построенной им во вновь завоеванной области крепости Ирпуни (совр. Арин-берд на окраине Еревана) «6600 воинов стран Хате и Цупани»; так как эти поселенцы названы в надписи «воинами», то, по мнению И. М. Дьяконова, это значит, что «они остались воинами и по переселении их на новое место». Но тому факту, что эти люди названы воинами, как нам кажется, нельзя придавать особого значения, так как в урартских надписях в отношении пленных мужчин в равной мере употребляются термины 'aše «мужчина» и gupušini «воин»³. Следует также обратить внимание, что поселенцы крепости Ирпуни называются в этой надписи не просто «воинами», а «воинами страны Хате и страны Цупани»; вряд ли такая формулировка была бы употреблена в отношении урартского войска: ведь они здесь поселились уже не как «воины страны Хате и страны Цупани», а как воины урартского царя.

Представляется возможным указать на некоторые факты, способные внести кое-что новое в освещение вопроса об этих пленных стран Хате и Цупани. В летописи Аргишти I в строках 25—37 II столбца говорится о походе в Закавказье, в район Севанского озера (против «страны Этиуни», против «страны города Кихуни») и, после описания этого похода сказано: «По велению бога Халди Аргишти, сын Менуа, говорит: город Ирпуни я воздвиг для могущества страны, Биаинили (и) для усмирения (?) вражеской страны. Земля была пустынной (?), ничего не было там построено. Могучие дела я там совершил. 6600 воинов стран Хате (и) Цупани я там поселил» (Sause, 38, стк. 32—37 = СICh, 112, А 2, стк. 13—22). Кто же эти «6600 воинов стран Хате и Цупани»? Трудно сомневаться, что это — люди, захваченные годом раньше, во время похода урартийцев на запад: в том же II столбце летописи, непосредственно перед повествованием о событиях года, в котором произошел поход в Закавказье и основание Ирпуни, в стк. 5—24,

¹ И. М. Дьяконов, ВДИ, 1952, № 1, стр. 94.

² См. Г. А. Меликишвили, Некоторые вопросы социально-экономической истории Наир-Урарту, ВДИ, 1951, № 4, стр. 38—40.

³ См. там же, ВДИ, 1951, № 4, стр. 27, прим. 2.

речь идет о событиях предыдущего года, который был занят походом на запад, на страну Хате и страну города Мелитеа. В заглавной декларации этого года Аргишти говорит о покорении «страны Хате (и) страны (царя) Хиларуадани» (стк. 5—6). Этот последний в надписях преемника Аргишти I — царя Сардури II упоминается как «царь страны города Мелитеа» (надпись из Изоглу—Sayce, 50, стк. 2). В заглавной декларации обыкновенно упоминаются главные страны, завоеванные во время данного похода или походов данного года. Этим и нужно объяснить, что страна Цупани, несомненно, также завоеванная урартским царем во время этого похода, здесь не упоминается. Цупани («Софена» античной эпохи) в самих урартских надписях выступает в тесной связи как со страной Хате, так и со «страной города Мелитеа». Так, например, в надписи из Палу царя Менуа (CICH, 31) говорится о покорении Цупани и сказано: «завоевал он (царь Менуа) страну Цупани (и) дошел до страны Хати» (стк. 10—11). Таким образом, Цупани урартских источников соприкасалась со «страной Хати» (т. е. хеттов); эта последняя, несомненно, рассматривается как находящаяся вблизи от Цупани. В этой же надписи, несколько ниже (стк. 16—17), речь идет о наложении дани на «царя города Мелитеа(лхе)», хотя покорение «страны города Мелитеа» в заглавной декларации этой надписи (стк. 1—3) не упоминается — там говорится лишь о покорении стран городов Шебетериа, Хузани, а также Цупани. Таким образом, Цупани в урартских надписях упоминается в тесной связи со странами Хате и Мелитеа, а в некоторых случаях, возможно, названия Цупани и «страна города Мелитеа» (совр. гор. Малатия, на западном берегу Евфрата) как бы покрывают друг друга. Таким образом, нельзя сомневаться, что во время интересующего нас похода Аргишти I на страну Хате и «страну города Мелитеа» была завоевана также находившаяся восточнее Малатии Цупани. В конце описания событий этого похода Аргишти I перечисляет захваченную во время похода добычу и пленных: среди пленных упоминаются 2539 отроков, 8698 мужчин («живых мужчин» — LU TİMES) и 18047 женщин. По всей вероятности, те 6600 воинов Хате и Цупани, которых в следующем году Аргишти I поселяет в Ирпуни, и были частью этих 8698 мужчин, захваченных в плен во время похода предыдущего года на запад. Аргишти говорит лишь о поселении «воинов» и дает конкретную цифру: не упоминаются ни женщины, ни дети — очевидно, в Ирпуни он поселяет этих пленных без их семейств. Нам кажется мало вероятным, чтобы такой огромной массе людей, захваченных в плен совсем недавно, людей, оторванных от своей родины и своих семейств, урартский царь мог бы доверить охрану урартских интересов в недавно завоеванной стране и вручить им защиту построенной им «для могущества страны Бианили (и) для усмирения (?) вражеской страны» крупной крепости Ирпуни. Ведь несомненно, что Ирпуни был вначале самой значительной крепостью на территории Арагатской долины, к северу от течения Аракса — знаменитый Аргиштихинили был основан позже (о его основании речь идет лишь в IV столбце Хорхорской летописи¹) и имел, повидимому, меньшее значение.

Но если эти «6600 воинов стран Хате и Цупани» не являлись урартским гарнизоном, то в качестве кого же они должны были появиться в Ирпуни? Систематическое изучение Ирпуни началось недавно — в 1950 году здесь производились разведывательные работы под руководством К. Л. Оганесяна, с 1951 года производятся уже систематические раскопки самой крепости. Эти работы с достаточной ясностью выявили, что на холме Аринберд находилось грандиозное сооружение. Крепость Ирпуни была, не-

¹ Sayce, 40, стк. 72 = CICH, 112, B2, стк. 41; см. ВДИ, 1951, № 3, стр. 174—176.

сомненно, намного более мощным сооружением, чем Тейшебаини (Кармир-блур), занимала обширную территорию — около 6 га. Фасады цитадели представлены мощными крепостными стенами, опоясывающими всю вершину холма по его контуру. Как полагает К. Л. Оганесян, общая высота стены, включая кладку, была здесь около 10 метров¹. Такое грандиозное сооружение, несомненно, не могло быть воздвигнуто сразу — постройка его была весьма трудоемкой задачей и требовала работы массы людей в течение продолжительного времени. Сообщение о постройке Ирпуни и о поселении здесь 6600 пленных стран Хате и Цупани в летописи Аргишти, в повествовании о событиях определенного года царствования, несомненно, подразумевает лишь начало работ по сооружению данной крепости. И вот естественнее всего думать, что упоминаемые в связи с этим пленные и были те люди, руками которых воздвигалась крепость Ирпуни.

В самой надписи Аргишти I поселение этих «6600 воинов стран Хате и Цупани» упоминается вслед за сообщением о том, что «земля была пустынной (?)», ничего не было там построено; могучие дела я там совершил». Следующая за этим фраза — «6600 воинов стран Хате и Цупани я там поселил», по всей вероятности, органически связана с предыдущей — весь контекст требует именно такого понимания, что именно руками этих «6600 воинов» и совершил здесь царь «могучие дела», под которыми подразумевается строительная деятельность царя: постройка крепости, широкая строительная и другая деятельность на этой «пустынной местности». Выражение «могучие дела я там совершил» (DAN.NUMES arniusinili zadubi istini) встречается и в других урартских надписях и употреблено именно по отношению к мирной строительной деятельности царей (устройство садов, виноградников, посевов, проведение каналов и т. д.)². Принимая во внимание строгую трафаретность стили урартских царских надписей, можно заключить, что и в надписях Аргишти I о его деятельности в районе совр. Арин-берда фраза «могучие дела я там совершил» подразумевает именно такого рода дела — устройство садов, виноградников, посевов и т. д. в этой «пустынной местности».

После окончания работ по строительству крепости и по устройству обширного хозяйства поселенные здесь рабы-пленники, возможно, превратились в рабочую силу в устроенном здесь же государственном хозяйстве. И в Ирпуни, как было уже отмечено (ВДИ, 1951, № 4, стр. 25), урартские цари также строили хозяйственные сооружения: Аргишти I, а затем Сардури II строят здесь зернохранилища ('ari) и т. п.

В отношении пленных в Ирпуни дело, вероятно, обстояло так же, как и в районе «Города бога Халди страны Зикуни» (район совр. Адильджеваза): на основании некоторых выражений Адильджевазской надписи царя Руса II³ в отношении упоминаемых в надписи людей вражеских стран Хате, Мушки и др. можно полагать, что здесь речь идет о пленном населении упомянутых стран; этих пленных урартский царь использовал в той строительной деятельности, о которой повествует надпись, и поселил их здесь же, превратив в рабов царского хозяйства (ВДИ, 1951, № 4, стр. 27).

¹ К. Л. Оганесян, Арин-берд (Ганли-тапа) — урартская крепость города Ирпуни, ИАН Арм. ССР, ОН, 1951, № 8, стр. 80—81.

² См. надписи: М. В. Никольский, Клинообразные надписи Закавказья, 1896, № 9; надпись № 14 в том же издании + Талишская надпись (см. И. И. Мещанов в ИАН СССР, VII сер., ООН, 1932, № 4, стр. 341—348); Кешиш-гельская надпись (СICh, табл. 38, стк. 18—21).

³ См. Г. А. Меликишвили, «Сообщения АН Груз. ССР», XI (1950), № 10.